26. ВОРЪ.

— Вотъ сторона, сказалъ пономарь, вошедши въ избу свою, въ которой сидѣло нѣсколько гостей, вотъ сторонка! У меня ночью съ тележонки колесо сняли! Вотъ ужъ не дрогнула бы рука эдакаго мошенника повѣсить на первой осинѣ, на проклятомъ деревѣ, какъ окаяннаго.

— Оно правда, сказалъ старикъ съ почетной бородкой, — оно правда, что воровство ремесло больно плохое и ворамъ спускать нечего; однако, сватушка, не торопись и вѣшать; повѣсишь — не сымешь. Воръ вору рознь.

— Какъ такъ? спросилъ пономарь, спасибо, что я ему скажу, что онъ у меня, мошенникъ эдакой сущій, укралъ колесо? За нечестивыхъ, сватушка, не заступайся; укралъ, такъ укралъ, и на осину его! Почему такъ воръ вору рознь?

— А вотъ какъ, сватушка, примѣромъ сказать, коли воръ твой, что снялъ у тебя колесо съ телеги, надѣлъ его подъ свою

телегу, по нуждѣ, да на немъ уѣхалъ — такъ это одно дѣло; коли онъ продалъ его, да купилъ хлѣба, не поѣвши напередъ сутки — такъ это опять другое; а коли онъ пропилъ его, отдалъ за стаканъ вина — такъ это третье. А еще, сватъ, вѣдь и это не одно, наткнулся–ли воришка твой на этотъ грѣхъ, или затѣмъ пошелъ; въ первый–ли разъ его попутало, аль ему ужъ дѣло бывалое, привычное!

— Правда, сказалъ другой гость; вѣдь убить человѣка — не штука, не колесо украсть; да и то не ровенъ часъ, не ровенъ случай. Вотъ сказываютъ бывальщину: какой–то курскій воръ сталъ грабить хохла, подсидѣвъ его на большой дорогѣ; хохолъ бѣднякъ такъ оробѣлъ, что не смогъ и противиться, ни оборониться; курянинъ повалилъ мужика, прижалъ колѣномъ, да выхвативъ ножъ, кощунствуя, сказалъ: *Господи благослови сороковаго*! Какъ хохолъ мой услышалъ это, такъ откуда у него со страху прыть взялась, выхватилъ у разбойника ножъ, вывернулся изъ подъ

него, да замахнувшись на отмашь тычкомъ: *Господи благослови, перваго и послѣдняго*!

— Это иное дѣло, сказалъ пономарь; извѣстно, для спасенія живота своего, каждая тварь посягательствуетъ; за это и Богъ проститъ; а вору всякая мука по дѣломъ, воръ идетъ на то, чтобъ человѣка обидѣть, вопреки законовъ Божескихъ. Сказано: неукради; воръ всяческое разореніе чинитъ и не кается; злобствуетъ противу рода человѣческаго; горбатаго исправитъ могила, а вора петля, да осиновый сукъ.

— Постой же, сватушко, остановилъ его первый, — не о колесѣ твоемъ рѣчь; кто его укралъ, можетъ–статься и стоитъ того, что ты ему сулишь; однако ты выслушай и мою бывальщинку — у насъ за споромъ дѣло стало. — Жилъ былъ богатый мужикъ; что ему дѣлать? всего вдоволь, такъ, что въ избѣ и чуланѣ тѣсно всему добру; онъ пристроилъ клѣть, да туда и сложилъ все залишнее. Богатому не спится, богатый вора боится; такъ и нашъ мужичокъ: нѣтъ–нѣтъ, да и выглянетъ опять ночью на дворъ,

чтобъ изъяну не было. Вотъ разъ и вышелъ онъ, а темь такая, что хоть глазъ выколи, — вышелъ и сталъ прислушиваться. Словно кто прошелъ подъ клѣтью, словно солома подъ ногами прошелестѣла. Притаивъ духъ, хозяинъ мой пошелъ красться, словно подъ волка. Добравшись до клѣти, онъ сталъ выглядывать изъ–за угла, анъ кто–то глядитъ и на него, изъ–за другаго угла. Хозяинъ откачнулся за уголъ, подумалъ, опять выглянулъ — и тотъ себѣ тоже, да опять на него глядитъ. Поигравъ эдакъ въ переглядушки, воръ сталъ посмѣлѣе, высунулся на половину: а хозяинъ себѣ тоже, и глядятъ другъ другу прямо въ глаза.

— Что, братъ, спросилъ воръ шопотомъ, и ты никакъ на промыселъ вышелъ?

— Нешто, землякъ, какъ видишь.

— Такъ пойдемъ, братъ, вмѣстѣ; и добыча, и грѣхъ, и горе — все пополамъ.

— Ладно, пойдемъ; такъ куда–же?

— Да, я, братъ и самъ не знаю; мое дѣло признаться, новое, небывалое, въ первый разъ вышелъ: и страшно, да нечего

дѣлать — нужда. Давай, вотъ ломать клѣть, мужикъ, говорятъ, богатый — что нибудь да найдемъ.

Такъ ты въ первые, подумалъ хозяинъ; погоди–жъ, я тебя отважу, чтобъ впередъ не ходилъ.

— Пожалуй, давай, да чѣмъ ломать? есть у тебя что?

— Нѣту братъ, ничего....

Плохой–же ты воръ, подумалъ хозяинъ.

— Такъ погоди–ко, чѣмъ ломать, лучше попытаемъ отпереть, я позапасливѣе тебя, у меня есть отмычка. Самъ досталъ изъ–за пояса ключъ и отомкнулъ клѣть. Вошли. Вотъ, говоритъ хозяинъ, сундукъ; ломай! а самъ пошелъ въ сторону, пошарить топора, либо безмена, чтобъ окрестить имъ вора.

— Богъ съ нимъ, съ сундукомъ, сказалъ тотъ, мнѣ бы вотъ хлѣбушка найти, тутъ, слышь, свѣжимъ хлѣбцомъ пахнетъ! И пошелъ ощупью, потягивая носомъ.

— Постой, сказалъ хозяинъ, не лѣзь; вотъ я нашелъ, и подалъ ему съ полки хлѣбъ.

Воръ кинулся, ухватилъ коврыгу въ обѣ руки, и давай уплетать. Хозяинъ поглядѣлъ на него, да и спрашиваетъ:

— Что ты не ужиналъ вчерась, что–ли?

— Какой ужинъ, говоритъ тотъ, а самъ знай ломаетъ да за щеку мечетъ, — у меня, братишко, другіе сутки, кромѣ воды, ничего во рту не было, отощалъ со всѣмъ.

У хозяина опустилась рука съ безменомъ и онъ молчалъ; поѣвъ немного тотъ перекрестился, ухватилъ съ полки еще другой хлѣбъ, кромѣ початаго, да и говоритъ: Ну, братъ, спасибо — Господь насъ проститъ, прости и ты, а самъ было пошелъ.

— Что–же ты, спросилъ еще разъ хозяинъ, вѣдь добра тутъ много; хоть заберемъ что подъ–руку попадется!

— Богъ съ нимъ, съ добромъ этимъ, сказалъ воръ, и самъ не возьму, да и тебѣ бы не велѣлъ. Слава Богу, что добрался я вотъ до хлѣбушка; на недѣльку будетъ съ меня, и больную жену накормлю, и ребятишекъ; болѣе мнѣ ничего не надо.

— Ну, такъ поди–же сюда, возьми вотъ мѣшечекъ муки, да отнеси домой; никого не бойся, иди прямо улицей, а коли кто спроситъ, такъ скажи, что самъ хозяинъ далъ.

— Какъ хозяинъ? Какой хозяинъ? спросилъ, испугавшись на смерть, воръ.

— Да, братъ, хозяинъ; вотъ онъ стоитъ передъ тобой и припасъ было на тебя обухъ.

Воръ, какъ стоялъ, повалился ему въ ноги: батюшка, не погуби! Двои сутки не ѣлъ — видитъ Богъ — и хворая хозяйка, и ребятишки!

— Вставай, сказалъ хозяинъ, бери хлѣбъ, бери и муку, да ступай съ Богомъ домой: счастливъ, что не позарился на другое добро, я бы тебя окрестилъ. Ступай съ Богомъ, да впередъ и голодный по чужимъ клѣтямъ не ходи!